А. С. АРХИПОВА, А. А. КИРЗЮК

Архипова Александра Сергееевна
кандидат филологических наук
научный сотрудник, Центр прикладной урбанистики,
Московская высшая школа социальных и экономических наук («Шанинка»)
старший научный сотрудник,
Лаборатория теоретической фольклористики,
Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС
Россия, Москва, 119571, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
доцент, Центр типологии и семиотики фольклора,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: +7 (499) 973-43-54
E-mail: alexandra.arkhipova@gmail.com

Кирзюк Анна Андреевна
кандидат философских наук
научный сотрудник, Центр прикладной урбанистики,
Московская высшая школа социальных и экономических наук («Шанинка»)
приглашенный исследователь,
Лаборатория теоретической фольклористики,
Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: kirzuk@mail.ru

ЛАЙК, РЕПОСТ, АРЕСТ: ФОЛЬКЛОР ПОД СУДОМ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ[1]

Аннотация. В 2014–2016 гг. имела место серия судебных дел, связанных с преследованием российских граждан за распространение сетевого фольклора. Авторы статьи анализируют логику этих преследований, сравнивют ее с логикой, которой руководствовались советские карательные органы, признавая тот или иной текст «крамольным». Статистические данные по политическим делам советского времени показывают, что фокус внимания властей постепенно смещался от устных вербальных текстов к визуальным и распространяемым письменно. Сегодня поводами для судебного преследования становятся исключительно такие тексты — визуальные (демотиваторы и карикатуры) и циркулирующие

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 16-06-00286 «Мониторинг актуального фольклора: база данных и корпусный анализ», выполняемого в Центре прикладной урбанистики Московской Высшей школы социальных и экономических наук. Авторы выражают благодарность Семену Шешенину, Лете Югай и Григорию Дурново за ценные замечания во время работы над текстом, а также Габриэлю Суперфину за комментарии и добавления.

© А. С. АРХИПОВА, А. А. КИРЗЮК

по Интернету. В отличие от человека позднесоветской эпохи, имеющего четкое представление о том, что такое антисоветский текст, современный интернет-пользователь не обладает знанием границ запрещенного и дозволенного.

Ключевые слова: интернет-фольклор, советский фольклор, политические преследования, экстремизм

За последние два года произошло несколько событий, после которых (при всей их кажущейся незначительности) появился юридический повод говорить о возврате советских репрессивных практик по отношению к высказанному «народному слову». Есть ли действительные основания для этого?

16 июля 2015 г. появилась новость о том, что управление Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Республике Карелия планирует привлечь к административной ответственности чиновника из мэрии Петрозаводска за публикацию в социальной сети четверостишия на «аткрытке»[2]:

алёша борщ сварить пытался
солянку щи пельмени рис
но что бы не варил алёша
выходит метамфетамин[3] [Губанов 2015].

Перед нами стихотворение в жанре «пирожка». Такие тексты появились и стали одним из самых популярных жанров фольклора Рунета в начале 2000-х годов, однако потом с демократизацией интернет-пространства[4] ушли «на скамейку запасных». Последние четыре года этот анонимный стишок регулярно появляется в многочисленных вариантах. Таким образом, он ведет себя как типичный текст сетевого фольклора, одна из функций которого — рассмешить. Именно так оправдывался петрозаводский чиновник, который, по его словам, опубликовал этот стишок ради шутки.

[2] «Аткрытка» — шаблонная картинка, где вербальное высказывание оформляется с помощью ограниченного набора рисунков.

[3] Сохранена пунктуация, характерная для этого жанра сетевого фольклора.

[4] «Пирожок» — ироничное четверостишие, характерной особенностью которого является нарушение ожидания рифмы в последней строчке. «Пирожки» появились в Сети в начале 2000-х годов, когда процент высокообразованных пользователей Интернета с хорошим литературным бэкграундом был выше, чем сейчас. Вместе с процессом демократизации Интернета наблюдается и спад интереса к таким стишкам. По некоторым предположениям, название и форма восходят к стихотворению «Пирожки» из шести строф, созданному пользователем «Живого журнала» allcogol в 2003 г. Такая форма становится популярной, создаются сообщества, так называемые *пирожковые*, где разные пользователи публикуют свои «пирожки». Постепенно жанр фольклоризуется — тексты начинают передаваться, варьироваться и терять автора.

Однако суд заказал лингвистическую экспертизу, согласно которой строчка про метамфетамин из стихотворения является «близкой к рекламному слогану», а упоминание запрещенного вещества можно считать пропагандой употребления наркотика среди молодежи[5]. Чиновник был приговорен к штрафу в размере 4000 рублей по статье 6.13 Административного кодекса РФ («пропаганда наркотических веществ») [Карельского чиновника 2015].

В истории «пирожка с метамфетамином» есть примечательная деталь: рост интереса к этому тексту обеспечило сообщение о возбуждении дела за его распространение. Вариант текста впервые фиксируется в Интернете в 2012 г., но до широкого медийного освещения в июле 2015 г. его искали в Яндексе единицы, тогда как после им, согласно данным поисковой статистики Яндекса, заинтересовались сотни человек.

Перед нами типичная ситуация последних двух лет. То, что публикуется на личных страницах в качестве просто смешного текста, иногда воспринимается надзорными органами как личная позиция, и с этой с точки зрения содержимое высказывания считывается как «пропаганда наркотиков». Тот факт, что основой высказывания часто является текст сетевого фольклора, определение авторства которого по определению проблематично, как правило игнорируется судебными инстанциями. Другими словами, репост текста воспринимается этими инстанциями как согласие «распространителя» с содержанием текста, что мы и видим на примере «пирожка с метамфетамином». Подобная пресуппозиция наблюдается и в других случаях «арестов за репост».

Но автор поста про «наркопирожок» никого не высмеивает, а сам текст не является прямой реакцией на событие или ситуацию. Гораздо более пристальное внимание уделяется блогерам, которые, во-первых, выражают реакцию на политическое событие или ситуацию, а во-вторых, делают это не только через осмеяние, но и через обличение. В 2014 г. активист РПР–ПАРНАС Дмитрий Семенов разместил в социальной сети «ВКонтакте» «графическое изображение мужчины с лицом Председателя Правительства РФ Медведева Д. А. в папахе на фоне зеленого флага с арабской вязью и текстом на русском языке “Смерть русской гадине”» и был приговорен[6] районным судом г. Чебоксары за призывы к экстремистской деятельности к штрафу в размере 150 тысяч рублей [Оппозиционера 2015].

С июля 2014 г. длится судебное разбирательство по делу татарского активиста Рафиса Кашапова, который обвиняется по статье 282.1 (возбуждение ненависти или вражды) и статье 280.1 Уголовного кодекса (публичные

[5] *Юристы, комментируя закон о наркотической пропаганде (Статья 6.13. Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров), признают, что «нормативно-правовые акты не в состоянии охватить весь объем наркотической пропаганды в СМИ» [Захаров 2003], тем не менее из всех потенциальных каналов пропаганды (печатные тексты, специализированные интернет-сайты, кино, художественная литература) первым «пострадал» именно юмористический фольклор.*

[6] Вскоре Семенов был амнистирован и освобожден от штрафа.

призывы к сепаратизму). В декабре Кашапов запостил в сети «ВКонтакте» несколько текстов, в том числе «Вчера — Гитлер и Данциг, сегодня — Путин и Донецк!», сопровождаемый демотиватором, где под портретами Путина и Гитлера приводятся их высказывания про Донецк и Данциг соответственно [Прокурор 2015].

15 июля в Краснодаре активистку движения «Левый фронт» Юлию Усач привлекли к административной ответственности по статье 20.3 КоАП (пропаганда или демонстрирование нацистской символики). Как и в случае Дмитрия Семенова, поводом для преследования стали сатирические демотиваторы (в этот раз — с использованием свастики), размещенные в сети «ВКонтакте» [Краснодарскую 2015].

В августе 2015 г. новосибирский активист ПАРНАС Александр Максимов был оштрафован за размещение на своей странице «ВКонтакте» рисунка с двумя держащимися за руки человечками, на одном из которых изображена свастика, а на другом — серп и молот [Активист 2015].

Во всех эти случаях (кроме истории с «наркопирожком») объектами преследования становились, как правило, политические активисты: символ или игра слов оказывались «опасными» (пропагандирующими и «разжигающими ненависть»), если был нужен легитимный повод для преследования. Однако екатеринбургское дело 2016 г. продавщицы Екатерины Вологжениновой, никогда не занимавшейся политической деятельностью, выбивается из этой парадигмы и, возможно, именно по этой причине в наибольшей степени вызывает в памяти советские репрессивные практики, благодаря которым человек мог пострадать за распространение простого фольклорного текста. В 2014 г. Вологженинова разместила на своей страничке «ВКонтакте» несколько картинок и стихов, на которые обратили внимание сотрудники регионального управления ФСБ. В числе прочих признанных экстремистскими текстов была карикатура, на которой «человек, похожий на президента Путина, склонился с ножом над картой Донбасса», и демотиватор «Пограничная служба Украины уведомляет, что в связи с отсутствием мест в моргах и недостатком рефрижераторов въезд граждан РФ на территорию Украины временно ограничен»[7] [Шулева 2015а].

Такие «преследования за фольклор» закономерно вызывают настойчивые ассоциации с советской репрессивной политикой, которые, в свою очередь, хорошо вписываются в общие рассуждения о современной политической ситуации. Но имеют ли эти две системы реальные точки соприкосновения? И насколько сама советская система была устойчива в своей оценке фольклора?

С момента отмены закона о цензуре в 1905 г. все партии и общественные деятели использовали самые разные фольклорные жанры как популярный и понятный массам способ агитации: песенники закидывали в

[7] Этот текст в виде вербального анекдота был популярен в Интернете по обе стороны границы в самый разгар российско-украинского конфликта.

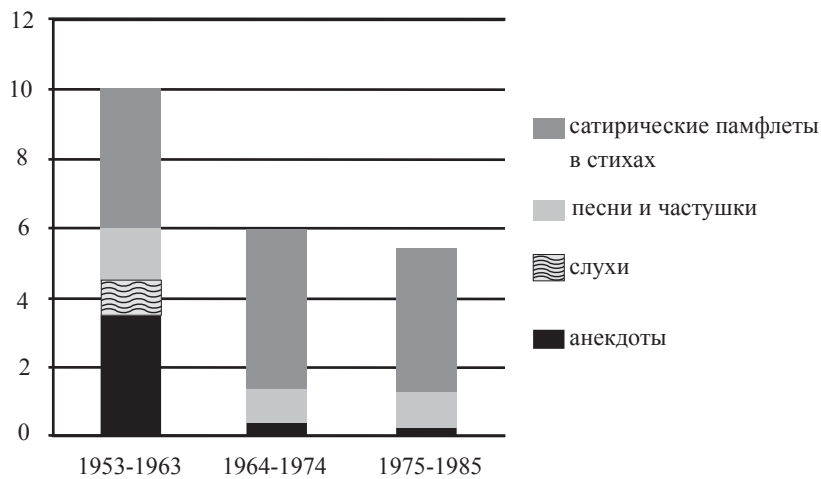
окопы к солдатам; через анекдоты бичевали неугодные классы; частушка была ярким средством пропаганды на фронте. Отношение к фольклору начинает меняться после 1928 г. Для советских властных институтов распространение фольклорных текстов представляло собой «социологический интерес»: они воспринимали такие тексты как инструмент для исследования «народных настроений» в среде тех, кто не владеет или плохо владеет письменным словом. Поэтому советская власть относилась к фольклорным текстам крайне внимательно. После изменения политического климата в 1929 г. необходимость в публичном анализе «народного ответа» на события отпала (что, в частности, привело к прекращению работы фольклористов и этнографов, работавших среди городских сообществ). При этом фольклорные тексты (в первую очередь анекдоты, частушки, песни и слухи) негласно продолжали собираться уполномоченными ГПУ в «сводках о настроениях» в качестве одной из «форм мнения» народа о происходящем [Архипова, Неклюдов 2010].

Печально известная статья Уголовного кодекса СССР о «контрреволюционной агитации и пропаганде» (позже — «антисоветской») под номером 58-10 появилась в середине 1920-х годов. Именно она стала основанием для преследования «в случае систематического распространения слухов, сплетен, анекдотов». Первые массовые аресты начались в 1929 г. — за «контрреволюционную пропаганду в виде троцкистских анекдотов» и затем, во время коллективизации — за анекдоты, «порочащие колхозный строй». 13 мая 1929 г. историк И. И. Шитц записал в своем дневнике популярный в Москве слух: «ГПУ будто бы циркулярно распорядилось преследовать анекдоты, задевающие советскую власть. И все же фольклор не унимается» [Шитц 1991: 24].

С 1934 г. статья 58-10 применялась очень широко, недаром те, кто сел по этой статье, назывались «анекдотчиками» (при этом «анекдотом» могла быть названа любая «клевета»). Сложно говорить о том, сколько людей, арестованных по этой статье, село именно за фольклор, но, согласно докладной записке заместителя председателя Верховного суда РСФСР Якоба Кронберга, из 473 проанализированных дел по статье 58-10 за 1935 г. 7% репрессированных было осуждено именно за «исполнение и распространение контрреволюционных рассказов, песен, стихов, частушек, анекдотов и т. п.» [Верт, Мироненко 2004: 237]. Надо иметь в виду, что, например, анекдот о Троцком мог попасть в группу «троцкистская пропаганда», а не рассматриваться отдельно. В 1936 г. Вышинский в докладной записке Молотову и Сталину даже предлагал отличать тех, кто не клеветал, а просто повторял по недомыслию досужие сплетни, от злостных агитаторов: «…нередко под контрреволюционную агитацию подводится обычная обывательская болтовня ‹…› а также исполнение частушек и песен с антисоветским содержанием, хотя бы и людьми, не имеющими никаких оснований считать их контрреволюционерами, преследующими исполнением этих частушек или песен контрреволюционные цели» [Там же: 254].

При этом в досудебной практике НКВД распространение анекдотов расценивалось гораздо более сурово, чем «исполнение» (недаром статья называлась «за распространение…»). Так, в Томске в 1935 г. во время очередной чистки троцкистов была арестована целая компания военных, рассказавших друг другу политические анекдоты, при этом некий А. П. Фурман пострадал больше остальных, поскольку он, «пользуясь тем, что являлся политработником, понуждал пересказывать Дунаева и Глазкова слышанные ими аналогично рассказанным им, т. е. Фурман[ом], к[онтр]-р[революционные] анекдоты» [Тренин 2004: 90]. Другими словами, тяжесть обвинения заключалась именно в принуждении к пересказу.

Упоминание фольклорных текстов в обвинительных заключениях по статье 58-10 (в процентах от общего количества дел по этой статье за каждое десятилетие)

В 1930–1950-е годы составом преступления намного чаще было распространение фольклорных текстов, чем хранение записей, их содержащих. Из данных, представленных на *Графике*[8], видно, что с середины 1960-х годов фокус интереса советских карательных органов меняется: устные жанры, составлявшие значительную часть репрессированной крамолы в период с 1953 по 1963 г., практически исчезают из поля зрения власти, карательные инстанции почти перестают интересоваться слухами, песнями и анекдотами. На первый план выходит что-то вроде политического народного памфлета, близкого к наивной литературе («У Лукоморья

[8] Здесь и далее в статье подсчеты проведены по собранию приговоров по статье 58-10 [Эдельман 1999], которое содержит более 4000 выписок с формулировками приговоров. Эти дела в период с 1953 по 1986 г. прокуратора выборочно забирала по стране у местных отделений КГБ для осуществления прокурорского надзора над следствием. В настоящее время дела находятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и доступны исследователям.

дуб срубили, златую цепь в Торгсин снесли…»[9]). В середине 1960-х годов в местах скопления народа, например в туалетах или на остановках общественного транспорта, часто находили «антихрущевскую пропаганду», например: «А Никита, словно птица, стал летать по заграницам…» и другие «народные сатирические памфлеты» [Минаева, Панченко 2009; Эдельман 2005: 158]. Такие тексты распространялись письменно, а не устно, и именно они (вместе с другой письменной крамолой — политическим самиздатом и наивной религиозной литературой) в 1970–1980-е годы навлекали репрессии на своих авторов и распространителей.

Стихия устной «антисоветчины» постепенно как будто перестает быть предметом забот «органов» или, по крайней мере, контролируется гораздо меньше. В период застоя сам по себе пересказ идеологически сомнительного фольклорного текста перестал быть действительной причиной ареста. Даже анекдоты интересуют власть уже не сами по себе, а в виде записей. В архивах ФСБ есть дела, заведенные в 1970-е годы на людей, которые собирали и хранили дома записи устных текстов. Например, из протокола обыска 1973 г. в Орле:

> На первых трех листах [амбарной книги, изъятой у подозреваемого] пастой синего цвета и карандашом исполнены записи, представляющие собой пародии и анекдоты идеологически вредного содержания. Записи начинаются со слов: «даты условные = 1969 г., июль. Брежнев, вернувшись из Праги» и заканчиваются словами «сегодня потребности на мясо и колбасу нет[10].

Еще один случай преследования за «записанный фольклор» — дело 1982 г. ленинградца Г. И. Ермакова[11], записывавшего в тетрадь частушки, где «в антисоветском клеветническом духе» излагались текущие политические события. Частушки стали приятным (для следствия) «довеском» к гораздо более серьезным, с точки зрения советской карательной системы, поступкам (в частности, к написанию «клеветнических» писем в адрес различных советских учреждений).

Это изменение практики связано с новыми установками власти по отношению к «антисоветским проявлениям». Если раньше, в 1930-е годы, они интересовали власть как мнение враждебной группы (которым последняя может заразить и других граждан), то в 1970-е власть уже мало волновало содержание устных текстов, циркулирующих среди с в о и х. Гораздо более

[9] Этот текст, пародирующий Пушкина, возник еще в начале 1930-х, но с успехом переписывался из тетрадки в тетрадку и в 1960-е годы, рисуя картинку экономической и социальной разрухи.

[10] Из личного архива Габриэля Суперфина, основателя Исторического архива Института исследований Восточной Европы Бременского университета. Выражаем свою благодарность за предоставленный текст.

[11] Приговор по делу № 25/82 от 14 июля 1982 г. (Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург). Ф. Б-2. Оп. 1. Л. 8–9).

болезненно власть реагировала на потенциальную возможность «вынести сор из избы» — на угрозу для имиджа страны. А любой записанный текст теоретически мог попасть на Запад и поэтому был более опасен[12].

В некоторых случаях записанный анекдот воспринимался властью как удобный повод к уголовному преследованию тех, кто занимался активной, как мы бы сейчас сказали, оппозиционной деятельностью, ср., например, дело ленинградки И. З. Цурковой 1983 г. [Брандт и др. 1991: 27–28]. Действительной причиной ареста была связь Цурковой с Фондом помощи политзаключенным. Из-за некоторой проблематичности публичного проговаривания этой темы[13] сторона обвинения воспользовалась удачно подвернувшейся тетрадкой с анекдотами (обратим внимание, что речь здесь идет именно о письменной фиксации анекдотов).

Зато в позднесоветский период внимание власти все чаще привлекает не устное, а визуальное «творчество масс», а именно националистические рисунки и карикатуры на вождей. Если с 1953 по 1963 г. процент арестованных по таким обвинениям был весьма незначителен, то в период с 1964 по 1974 г. количество арестованных за карикатуры[14] выросло в два раза. Даже в «вегетарианские» времена, с 1975 по 1985 г., количество обвинений такого рода было больше, чем в 1953 г. Это перекликается с современной практикой, когда любые преследования (аресты, штрафы) связаны скорее с визуальным рядом, чем с вербальным. Во всех известных нам случаях интернет-пользователи преследовались за демотиваторы — картинки или фотографии в сопровождении короткого текста. Очевидно (хотя и не до конца понятно, почему), что в юридической практике недавнего прошлого и настоящего оскорбление/осмеяние вождя визуальным образом воспринималось как более серьезное преступление, чем чисто вербальное высказывание.

С середины 1960-х по середину 1970-х годов количество преследований за изображения нацистских и националистических символов выросло почти в четыре раза[15]. Вполне типичным было, например, дело П. Старчика, который «в 1970–1972 гг. распространял листовки с призывами к борьбе против КПСС и с рисунком, изображающим пятиконечную звезду, соединенную знаком равенства с фашистской свастикой» [Эдельман 1999: 745]. В делах некоторых нынешних активистов поводом к судебному разбирательству также стало изображение свастики (дела Юлии Усач и Алек-

[12] Так, уже упомянутый Г. И. Ермаков не только рассылал «клеветнические документы» в редакции советских газет, но и делал попытки передать их в германское посольство.

[13] Возможно, осуждение за участие в Фонде помощи политзаключенным имплицитно подразумевало признание карательными органами того факта, что в СССР существуют политзаключенные, что в то время отрицалось в официальном дискурсе.

[14] Например, учитель труда в одесской школе М. В. Монахов в 1977–1978 гг. «нарисовал несколько карикатур на советских руководителей», за что в 1980 г. попал под следствие [Эдельман 1999: 785].

[15] О принципах подсчетов см. сноску 8.

сандра Максимова) и сравнение Гитлера с Путиным (дело Рафиса Кашапова). Предельно символически опасный статус свастики и вообще любых предметов/персонажей, имеющих отношение к нацизму, легко объясним. И в советской, и в современной политической топике «фашизм» располагается в локусе абсолютного зла (только в последнее время он стал делить это пространство с ИГИЛ, запрещенным на территории Российской Федерации). Поэтому изображение свастики или Гитлера рядом с правителем преследовалось и в советское время, и в 2015 г.

Однако для носителей (анти)советского фольклора система политических значений была ясна, а логика символьных репрессий — предсказуема. Когда советские люди отправляли в редакции газет и правительственные органы «письма, в которых отождествляли гитлеровскую фашистскую партию с КПСС» [Эдельман 1999: 363], или рисовали на листовках «пятиконечную звезду, соединенную знаком равенства с фашистской свастикой» [Там же: 745], они прекрасно отдавали себе отчет в крамольности своих действий. Многие советские люди знали, где начинается политическая крамола, и могли использовать это знание в своих целях. Уголовники, чтобы сменить зону (например, с целью бегства от карточных долгов), называли советскую власть «фашистской» или делали соответствующую татуировку, имитируя «образцовое» антисоветское высказывание, и добивались таким образом переквалификации своего уголовного дела на политическое[16].

Сегодня интернет-пользователь понимает, что некоторый знак может попасть под статью административного или уголовного кодекса. Но он не уверен в том, какой именно контекст употребления может сделать знак «опасным», потому что политика символьных репрессий сейчас непредсказуема. Это провоцирует некоторых пользователей на печальные эксперименты. В начале 2016 г. петрозаводский журналист Вадим Штепа разместил на своей странице в Facebook изображение вологодской скатерти XIX века с символом солнца, напоминающим свастику, и фотографию чернокожего мальчика с похожим символом. По словам Штепы, все это было сделано им «в ироничном ключе». Публикация привлекла внимание сотрудников Центра «Э». В суде Штепа был признан виновным в публикации постов с «нацистской символикой» и посажен под арест на одни сутки за публичное демонстрирование нацистской символики.

Сейчас власть не всегда расставляет «красные флажки», и неочевидность их расположения становится предметом шуток. Пост Штепы, снабженный ироническим замечанием «Наверное, меня за это посадят», был направлен именно на выяснение границ «символического преступления» (месяцем ранее он уже был оштрафован за фотографию финского танка со свастикой времен Второй мировой войны [Карельского блогера 2016]).

[16] Много таких дел можно найти в сборнике [Эдельман 1999]. Об этом же, ссылаясь на свой лагерный опыт 1970-х годов, рассказывал авторам статьи Габриэль Суперфин.

Как же происходит выяснение «виновности» фольклорного текста? В советское время экспертами, которые извлекали антисоветское содержание из «арестованных» анекдотов, были только сами следователи. Это привело к возникновению целого пласта фольклорных текстов:

> Судья хохочет: «Анекдот слышал, ужасно смешной!». — «Так расскажи!» — «Не могу, я за него только что десять лет дал» [Мельниченко 2014: № 3376].

Интерпретация «арестованного» текста (т. е. является ли анекдот «клеветническим», а демотиватор — экстремистским) в современной ситуации осуществляется отчасти усилиями внешних экспертов, отчасти благодаря высказываниям «возмущенной общественности». Например, на суде по делу Вологжениновой свидетель обвинения (сотрудник Роскомнадзора В. Солодкий) сказал, что испытал при просмотре страницы обвиняемой «чувства оплеванного человека, гражданина Российской Федерации» [Шулева 2015b].

Но главное отличие советских случаев от их современных аналогов заключается в разном понимании «авторства» фольклорного текста. С этим связаны и разные представления о роли распространителя (т. е. того, кто делает репост демотиватора или рассказывает анекдот). На суде по делу Дмитрия Семенова защита настаивала на том, что активист не был автором демотиватора, а только сделал репост [Экстремист 2015]. Адвокат Екатерины Вологжениновой приводил аналогичные аргументы: «Моя подзащитная не является автором материалов, которые она просто репостила. Если они экстремистские, почему следователи не работают над тем, чтобы установить их авторов и привлечь к ответственности?» [Исмаилов 2015]. Иными словами, с точки зрения интернет-пользователя, размещение текста на своей странице (репост) — это всего лишь его передача. Осужден может быть автор сомнительного текста, а не тот, кто его распространяет. Вопрос, возникающий в таких случаях у «распространителя», можно сформулировать так: *Я разместил на своей странице текст, потому что счел его забавным. До меня его размещали тысячи людей, в чем моя вина?* Тем не менее современная судебная практика, судя по этим прецедентам, считает публикацию такого рода текстов пропагандой, исходящей напрямую от того, кто размещает их на своей личной странице. Для советской карательной практики вопрос, придумал ли подсудимый текст сам, не был важным (существеннее был сам факт распространения крамолы). Да и обвиняемый не пытался оправдаться тем, что авторство текста принадлежит не ему. В те времена, желая смягчить свою участь, он мог заявить: «Я все это говорил без всяких целей и не понимал, что это антисоветская агитация»[17].

[17] Так в 1955 г. пытался оправдаться Сергей Попович, обвиненный в рассказывании анекдотов (ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 229. Л. 124).

* * *

Мы видим, что современная судебная практика по отношению к политическому фольклору кое в чем соответствует советской системе, но есть и значительные расхождения. В делах по обвинениям «за фольклор» изменилась логика обвиняемых, тогда как логика стороны обвинения осталась по сути прежней.

Во-первых, и для сегодняшних гонителей сетевого фольклора, и для их советских предшественников преступлением является факт передачи (устной в 1930–1950-е или письменной в 1960–1970-е годы) фольклорного текста другому адресату. Однако если советский «анекдотчик» в свое оправдание ссылался на «несознательность», то носитель современного фольклора говорит, что не совершал преступления, потому что не является автором текста.

Во-вторых, в 1930-е годы судебная практика рассматривала передачу фольклорного текста как способ выразить свои политические взгляды и «заразить» ими других граждан. В 1970-е годы такой фокус интереса власти к фольклору исчез; рассказывание анекдотов и других антисоветских текстов почти перестало преследоваться само по себе, пресекалось их распространение в письменном виде (поскольку письменный текст мог попасть на Запад). Современная практика в некотором смысле сохраняет обе этих тенденции. Преследуют не людей, рассказавших анекдоты о российско-украинском конфликте, а блогеров, которые опубликовали их.

В-третьих, сохраняется интерес надзорных органов к специальным способам манифестации фольклорной информации: в современной судебной практике, как и в 1970–1980-е (но не в 1930-е годы), визуальное оскорбление / осмеяние государственных символов и образа вождя преследуется сильнее.

Но есть и одна особенность, которая значительно отличает сегодняшние аресты за репосты от советских репрессий за символические преступления. Это определение границы «дозволенного» и «крамольного», которая была очевидна советским людям и совершенно не так понятна современным интернет-пользователям, которые зачастую узнают о ее наличии, только оказавшись на скамье подсудимых.

Интернет-источники

Активист 2015 — Активист ПАРНАС в Новосибирске оштрафован за «неправильную» картинку // Сова: Информационно-аналитический центр. 2015. 30 сент. URL: http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2015/09/d32925.

Губанов 2015 — *Губанов Д.* Чиновника судят за стихи о наркотиках // Ридус: Агентство гражданской журналистики. 2015. 16 июля. URL: http://www.ridus.ru/news/191221.

Захаров 2003 — *Захаров Д.* Актуальные вопросы антинаркотической пропаганды // Нет наркотикам: Информационно-публицистический ресурс. 2003. 23 окт. URL: http://www.narkotiki.ru/5_5623.htm.

Исмаилов 2015 — *Исмаилов Р.* «Тогда нужно и юмориста Задорнова привлекать за экстремизм». В Екатеринбурге стартовал процесс над матерью-одиночкой, попавшей в один список с ИГИЛ // Znak.com. 2015. 13 окт. URL: https://www.znak.com/2015-10-13/togda_nuzhno_i_yumorista_zadornova_privlekat_za_ekstremizm_v_ekaterinburge_startoval_process_nad_mat.

Карельского блогера 2016 — Карельского блогера оштрафовали за фото финского танка с нацистской символикой // Фонтанка.fi. 2015. 3 нояб. URL: http://fontanka.fi/articles/23815.

Карельского чиновника 2015 — Карельского чиновника оштрафовали за стихи про наркотики // Труд.ru. 2015. 23 июля. URL: http://www.trud.ru/article/23-07-2015/1327260_karelskogo_chinovnika_oshtrafovali_za_stixi_pro_narkotiki.html.

Краснодарскую 2015 — Краснодарскую активистку «Левого фронта» обвинили в пропаганде нацистской символики // ОВД-Инфо. 2015. 16 июля. URL: https://ovdinfo.org/express-news/2015/07/16/krasnodarskuyu-aktivistku-levogo-fronta-obvinili-v-propagande-nacistskoy.

Оппозиционера 2015 — Оппозиционера обвиняют в экстремизме из-за картинки с Медведевым // Liport: Новости. 2015. 3 февр. URL: http://liport.ru/106187-oppozicionera-obvinyayut-v-ekstremizme-iz-za-kartinki-s-medvedevym.html.

Прокурор 2015 — Прокурор попросил для правозащитника Рафиса Кашапова четыре года лишения свободы // ОВД-Инфо. 2015. 24 авг. URL: https://ovdinfo.org/express-news/2015/08/24/prokuror-poprosil-dlya-pravozashchitnika-rafisa-kashapova-chetyre-goda.

Шулева 2015a — *Шулева М.* Срок за репост: в Екатеринбурге за стихи и картинки судят одинокую мать // 66.ru. 2015. 27 окт. URL: http://66.ru/news/incident/177933/

Шулева 2015b — *Шулева М.* «Чувствуем себя оплеванными»: свидетели рассказали, как мать-одиночка оскорбила их картинками про Путина // 66.ru. 2015. 10 нояб. URL: http://66.ru/news/society/178438.

Экстремист 2015 — Экстремист с Медведевым // ОВД-Инфо. 2015. 29 янв. URL: https://ovdinfo.org/stories/2015/01/29/ekstremist-s-medvedevym.

Литература

Архипова, Неклюдов 2010 — *Архипова А. С., Неклюдов С. Ю.* Фольклор и власть в закрытом обществе // Новое литературное обозрение. № 101. 2010. С. 84–103.

Брандт и др. 1991 — Приговоры по политическим делам в СССР (50–80-е гг.). III серия / Сост. Н. Брандт, А. Лащивер, К. Подрабинек, П. Подрабинек. М.: Междунар. Мемориал, 1991.

Верт, Мироненко 2004 — История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; Отв. сост. И. А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2004.

Мельниченко 2014 — *Мельниченко М.* Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: Нов. лит. обозрение, 2014.

Минаева, Панченко 2013 — *Минаева А., Панченко А.* «Сон Горбачева» и русский политический фольклор эпохи перестройки // Русский политический фольклор: Исследования и публикации / [Сост. А. Панченко]. М.: Нов. изд-во, 2013. С. 171–205.

Тренин 2004 — *Тренин Б. П.* 1936–1937 гг. Конвейер НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле: Сб. документов и материалов. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004.

Эдельман 1999 — 58-10: Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде: Аннотированный каталог. Март 1953–1991 / Сост. О. В. Эдельман. М.: Фонд «Демократия», 1999.

Эдельман 2005 — Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. / Сост. О. В. Эдельман. М.: Материк, 2005.

Шитц 1991 — *Шитц И. И.* Дневник «Великого перелома» (март 1928 — август 1931). Paris: YMCA-press, 1991.

Like, repost, arrest: Folklore on trial in the Soviet era and today

Arkhipova, Alexandra S.
PhD (Candidate of Science in Philology)
Senior Researcher, Centre of Applied Urban Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences, Laboratory of Theoretical Folklore Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Research Fellow, Centre of Applied Urban Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences
Russia, Moscow, 119571, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Associated Professor, Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaia sq., 6
Tel.: +7 (499) 973-43-54
E-mail: alexandra.arkhipova@gmail.com

Kirzyuk, Anna A.
PhD (Candidate of Science in Philosophy)
Research Fellow, Centre of Applied Urban Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences,
Visiting Scholar, Laboratory of Theoretical Folklore Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: kirzuk@mail.ru

Abstract. In 2014–2016, the State Procuracy conducted several trials of Russian citizens who spread visual political folklore on current topics through social networks. This paper reveals the logic behind these prosecutions and compares current cases with the Soviet system of repression from 1928 to 1985.

Keywords: Internet-folklore, Soviet folklore, political persecution, extremism

References

Arkhipova, A. S., Nekliudov, S. Yu. (2010). Fol'klor i vlast' v zakrytom obshhestve [Folklore and power in a closed society]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer]*, 101*, 84–103. (In Russian).

Brandt, N., Lashchiver, A., Podrabinek, K., Podrabinek, P. (Compl.). (1991). Prigovory po politicheskim delam v SSSR (50–80-e gg.) [Sentences in political cases in the USSR (1950s–1980s)] (Series III). Moscow: Mezhdunarodnyi Memorial. (In Russian).

Edel'man, O. V. (Ed.). (1999). Nadzornye proizvodstva prokuratury SSSR po delam ob antisovetskoi agitatsii i propagande: Annotirovannyi katalog. Mart 1953 — 1991 [Review proceedings by USSR Procuracy of cases involving anti-Soviet agitation and propaganda]. Moscow: Fond "Demokratiia". (In Russian).

Edelman, O. V. (Ed.). (2005). *Kramola: Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve. . 1953–1982 gg* [Sedition: Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev. 1953–1982]. Moscow: Materik. (In Russian).

Mel'nichenko, M. (2014). *Sovetskii anekdot. (Ukazatel' siuzhetov)* [The Soviet anecdote. (Tale type index)] . Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Minaeva, A., Panchenko, A. (2013). "Son Gorbacheva" i russkii politicheskii fol'klor epokhi perestroiki ["Gorbachev's Dream" and Russian political folklore of the perestroika period]. In A. Panchenko (Ed.). Russkii politicheskii fol'klor: Issledovaniia i publikatsii [Russian political folklore: Studies and publications], 171–205. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian)

Shitts, I. I. (1991). *Dnevnik "Velikogo pereloma" (mart 1928 — avgust 1931)* [The diary of the "Great Turning Point" (March 1928 — August 1931)]. Paris: YMCA-press. (In Russian).

Trenin, B. P. (2004). *1936–1937 gg. Konveier NKVD: Iz khroniki "bol'shogo terrora" na tomskoi zemle* [1936-1937. The NKVD conveyor belt*:* From the chronicle of the Great Terror in the Tomsk region]. Tomsk; Moscow: Vodolei Publishers. (In Russian).

Vert, N., Mironenko, S. V. (Eds.), Ziuzina, I. A. (Compl.). (2004). *Istoriia stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh — pervaia polovina 1950-kh godov* [History of Stalin's Gulag. End of the 1920s — the first half of the 1950s]. (T. 1. Massovye repressii v SSSR) [Vol. 1. Mass repressions in the USSR]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Arkhipova, A. S., Kirzyuk, A. A. (2016). Like, repost, arrest: Folklore on trial in the Soviet era and today. *Shagi / Steps, 2*(4), 251–264